

А.Л. Гришунин

История создания

Историю замысла и создания «Книги про бойца» Твардовский сам рассказал в своем «Ответе читателям» — «Как был написан “Василий Теркин”».

«Василий Теркин» был задуман более чем за год до начала войны, которая на первых порах, естественно, отвлекла автора от этого замысла, но в середине 1942 года Твардовский решил продолжить и завершить оставленную работу.

Некоторые стихи, вошедшие потом в поэму, были созданы и даже напечатаны задолго до того, как произведение сложилось в его окончательном виде. Так, 11 декабря 1939 года в газете Ленинградского военного округа «На страже Родины» появилось стихотворение Твардовского «На привале», развитое впоследствии в одноименную главу «Василия Теркина». Стихотворение «Танк» (1940) и некоторые другие также использовались позже в тексте произведения.

Целая глава — «Гармонь» — была написана за год до Великой Отечественной войны и напечатана (в сокращенной редакции) в газете «Красная звезда» (1940), в сборниках Твардовского «Фронтовые стихи», «Из фронтовых стихов» (1941), «Смоленщина» (1943) и др. как отдельное стихотворение, помеченное 1940 («Вот беда, во всей колонне...»). Позже, во время финской кампании, но тоже еще до окончательного прояснения замысла «Теркина», была написана и глава «Переправа».

Таким образом, поначалу Теркин был героем финской войны 1939–1940.

Но еще до того как у поэта возникла мысль о создании большого эпического произведения о советском солдате Василии Теркине, герой, носящий эту фамилию, имел свою предысторию, относящуюся к той же финской кампании: в газете «На страже Родины» стали появляться картинки художников В. Брискина и В. Фомичева со стихотворными подписями к ним нескольких фронтовых поэтов, среди которых был и Твардовский, собственно, и открывший тот цикл стихотворением «Вася Теркин».

Вася Теркин? Кто такой?

Скажем откровенно:

Человек он сам собой

Необыкновенный.

При фамилии такой,

Вовсе неказистой,

Слава громкая — герой —

С ним сроднилась быстро.

И еще добавим тут,

Если бы спросили:

Почему его зовут

Вася — не Василий!

Потому, что дорог всем,

Потому, что люди

Ладят с Васей как ни с кем,

Потому, что любят.

Богатырь, сажень в плечах,

Ладно сшитый мальй.

По натуре весельчак,

Человек бывалый.

Хоть в бою, хоть где невесть, —

Но уж это точно:

Перво-наперво поесть
Вася должен прочно.

По зато не бережет
Богатырской силы
И врагов на штык берет,
Как снопы на вилы.

И при этом, как ни строг
С виду Вася Теркин, —
Жить без шутки б он не мог
Да без поговорки...

Поэт Цезарь Солодарь вспоминал, как на редакционной летучке сотрудников газеты «На страже Родины» в декабре 1939 решено было создать серию смешных рисунков о боевых похождениях смекалистого и хитроумного бойца. При обсуждении возникло немало противоречивых суждений.

«Наиболее немногословно высказался Твардовский, – пишет Ц. Солодарь. – Я не решаюсь сейчас (в 1974) воспроизвести дословно высказывания Александра Трифоновича. Но мне, как и еще одному из зачинателей “Васи Теркина” — талантливому карикатуристу Василию Ивановичу Фомичеву, запомнилось: поэт говорил, что нужен традиционный русский лубок, пусть подвиги Васи удивят своей необычностью, лишь бы не были скучны. Простота, доступность, фельетонность — вот какие слова мы услышали тогда от Александра Трифоновича. Пусть читатель внимательно рассматривает рисунок, считал он, но подпись должна быть прочитана быстро, с ходу. По этому пути и пошли участники коллективной работы над иллюстрированными фельетонами о походе Васи.

Александр Трифонович не сочинял подписей к рисункам, но охотно выступал в роли редактора. И неизменно добивался от авторов простоты, выразительности и — краткости».

Лубочный герой этих веселых картинок Вася Теркин — медведеподобный великан с тяжелым квадратным подбородком, совершал несчетное количество необыкновенных, фантастических «подвигов». Помещенные под рисунками стихи преследовали развлекательные (а попутно и дидактические) цели — в ответ на «потребность солдатской души позабавиться чем-то таким, что хотя и не соответствует действительности военных будней, но в то же время как-то облакает именно их, а не отвлеченно-сказочный материал в почти что сказочные формы», – писал Твардовский в статье «Как был написан “Василий Теркин”».

«В своих письмах, – продолжал свои воспоминания Ц. Солодарь, – читатели, обращаясь в газету, просили более обстоятельно рассказать о Васе Теркине, рассказать не только подписями под рисунками, а и настоящими стихами. И Александр Трифонович принял предложение руководителя писательской группы Николая Семеновича Тихонова написать стихотворение “Вася Теркин”».

Об этом сообщал и сам Твардовский в письме к Г. Михееву от 24 января 1951:

«...В том, “старом” (“Теркине”) мне принадлежал только зачин, первая главка: “Вася Теркин? Кто такой?” и т. д.».

Выше приведено только начало этого стихотворения, процитированное и Твардовским в его «Ответе читателям “Василия Теркина”». Заключительные строки этого стихотворения звучали, со слов Ц. Солодаря, так:

По смекалке свет не знал
Молодца такого.
И ни разу не бросал
Он на ветер слова.

И при этом, как ни строг
С виду Вася Теркин,—
Жить без шутки он не мог —
И без поговорки.

Веселит, смешит бойцов —
 Где бы ни был с ними,
 Чтоб ни встретилось...
 Таков
 Общий наш любимец.

Поскольку работа была коллективной и Твардовский не являлся ее инициатором, имя героя предложил кто-то из его товарищей — из тех, кто, возможно, знал или слышал о романе писателя П. Боборыкина «Василий Теркин», вышедшем из печати в 1892 году, но вполне допустимо, что сотрудники редакции могли и не знать этого.

Возможна и другая версия: в рассказе Мариэтты Шагинян «Агитвагон» (1923) уездный куплетист, выступающий в произведении в роли рассказчика, вспоминает свою «особую песню» «Васька», петую «в междуцарствие» с огромным успехом у разношерстной публики: Васька Тертый говорит:

— Что такое колорит?
 Это, брат, такое дело:
 Слева красно, справа бело.
 У Деникина черно,
 А у Махно зелено.
 Отвечает Васька Тертый:
 — Очевидный мелешь вздор ты.
 Колорит, брат, — в спирта литре
 Слить все краски на палитре...

Именно этот рассказ гораздо скорее, чем роман Боборыкина, мог запомниться кому-нибудь из первоначального авторского коллектива и повлиять на выбор имени героя. Рассказ «Агитвагон» был популярен в народе, неоднократно переиздавался, экранизирован; во всяком случае, он был более известным, чем «Василий Теркин» Боборыкина. «Куплет», как видим, маловразумителен и глуповат, вряд ли его автором была сама Шагинян; скорее всего его подслушали где-то в изустном бытовании — в виде считалки, например, и т. п.

Новые подробности о том, как искали имя для Теркина финской поры, сообщил Дмитрий Терентьевич Хренков, работавший в ту пору в газете «На страже Родины»: псевдоним «Вася Теркин» ввел в газету ее редактор, полковой комиссар Д. Березин 18 декабря 1939, поставив эту подпись под материалом сотрудника редакции Жоры Гофмана. Вскоре художники В. Борискин и В. Фомичев создали «портрет» Васи Теркина, и 31 декабря в газете появилась «Хроника», в которой сообщалось:

«Специальный корреспондент нашего отдела “Прямой наводкой” Вася Теркин, пребывающий на передовых позициях, готовит интересный материал, который будет печататься в ближайшее время. Кстати, помещаем последний портрет Васи Теркина».

5 января 1940 за подписью Твардовского появился в газете первый стихотворный фельетон под заглавием «Вася Теркин».

Таким образом, Твардовский включился в уже начатую коллективную работу, когда имя героя уже было найдено и установлено. Малоинтересный и по справедливости забытый роман Боборыкина ему в то время известен не был. 20 января 1951 читатель Г. Михеев спрашивал в письме к автору «Теркина»:

«... Почему же Вы выбрали для своего (да и нашего) героя такое имя, за которым уже скрывается определенный тип и который уже описан в нашей русской литературе?»

Но в том-то и дело, что автор письма смешал имя и «тип». Персонаж Боборыкина, пройдоха-купец Теркин, ничего общего с Теркиным Твардовского не имеет. На недоуменные письма читателей, подобные письму Михеева, относительно совпадения имени героя с именем боборыкинского персонажа Твардовский и ответил в своей статье «Как был написан “Василий Теркин”»:

«Сознаюсь, что о существовании боборькинского романа я услышал, когда уже значительная часть “Теркина” была напечатана, от одного из своих старших литературных друзей. Я достал роман, прочел его без особого интереса и продолжал свою работу. Этому совпадению имени Теркина с именем боборькинского героя я не придавал и не придаю никакого значения. Ничего общего между ними абсолютно нет. Возможно, что кому-нибудь из нас, искавших имя персонажа для фельетонов в газете “На страже Родины”, подвернулось это сочетание имени с фамилией случайно, как запавшие в память из книги Боборькина. И то сомневаюсь: нам нужен тогда был именно Вася, а не Василий; Васей же боборькинского героя никак не назовешь — это совсем иное. Что же касается того, почему я впоследствии стал именовать Теркина больше Василием, чем Васей, это опять дело особое. Словом, ни тени “заимствования” здесь не было и нет. Просто есть такая русская фамилия Теркин, хотя мне раньше казалось, что эту фамилию мы “сконструировали”, отталкиваясь от глаголов “тереть”, “перетирать” и т. п.».

Этот условный, нарочито лубочный, «необыкновенный» персонаж — «Вася Теркин» продолжал жить на страницах газеты Ленинградского фронта «На страже Родины» и во время Великой Отечественной войны, но уже без участия Твардовского. В 1943, когда уже существовала в отдельном издании первая часть поэмы Твардовского, в Ленинграде вышел сборник «новых приключений» сержанта-разведчика Васи Теркина, составленный из картинок художника Бориса Лео и стихотворных подписей под ними поэтов М. Дудина, В. Иванова, Б. Лихарева, А. Прокофьева, В. Саянова, А. Флита.

Произведение о финской войне задумано было Твардовским еще до окончания этой войны. Между срочной работой для фронтовой печати время от времени поэт набрасывал заготовки для будущей поэмы. В это же время написано было, в частности, и напечатано в газете «На страже Родины» упомянутое выше стихотворение «На привале», начинающееся «теркинской» строфой:

Дельный — что и говорить —
Был старик тот самый.
Что придумал? Суп варить
На колесах прямо...

Твардовский записывал в фронтовой тетради 8 марта 1940:

«Кончится кампания, отдышусь от писания “в номер”, — засяду основательно. Строчка за строчкой пропущу все через сито. Все это должно и можно развить, отделать, завершить. Штука за штукой буду обрабатывать и переписывать в тетрадку. А до того в журналы давать не стоит. Буду жив и здоров — будет книжка, какой я сам вообразить раньше не мог».

Бои в Финляндии завершились 13 марта 1940 года, а уже в апреле этого же года Твардовский жил мыслью создать поэму о прошедшей войне, которая еще довольно смутно вырисовывалась в его сознании: герой, которому еще не было подобрано имя, виделся автору на границе нашей страны, которую он переходил вместе с нашими войсками, потом его ранило, далее госпиталь, а после госпиталя он догоняет свою часть (как в главе «Гармонь» окончательного текста поэмы). Намечалась и любовная линия — знакомство с девушкой, лекпомом или медсестрой.

В том же апреле 1940 этот намечавшийся поэтом сюжет соединился в сознании Твардовского с образом Васи Теркина. Его полуфольклорный характер представлялся хорошим основанием для создания книги, а его жизнелюбие обеспечивало оптимистическую тональность задумываемой поэмы, необходимую, по мысли автора, «для преодоления сурового материала этой войны»; эта юмористическая струя должна была соединиться с лиризмом.

Так, уже задолго до войны в сознании автора определились характерные черты образа и главные контуры именно такого произведения о советском бойце, каким мы его знаем по книге Твардовского «Василий Теркин».

Необходимость обратиться к нарочито упрощенному, бурлескному образу Васи Теркина «всерьез», «поднять» его Твардовский считал неременным условием: «поднять

незаметно, по существу, а по форме почти то же, что он был на страницах “На страже Родины”». — «Нет, – добавлял он тут же, – и по форме, вероятно, будет не то».

Вася Теркин финской кампании 1939–1940 остался только однофамильцем и тезкой героя книги Твардовского, причем даже и эта фамилия («Теркин») в поэме переосмыслилась и уже не воспринимается как подобие забавных фамилий фронтовых «Пулькиных», «Танкиных» и т. п. Ничего не осталось и от его гротескно-богатырского телосложения: он и в этом отношении из «необыкновенного» сделался «обыкновенным». Зато детальную разработку получили все стороны его замечательного характера.

Имя же героя, если оно и не придумано самим поэтом, а досталось ему в «наследство» от «Теркина» 1940, было особенно по душе Твардовскому. Дед поэта, старый солдат, как мы знаем, именовался Гордеем Васильевичем, стало быть, прадед поэта — Василий. И когда в 1925 в семье Твардовских родился седьмой, последний ребенок, его нарекли Васей в честь прадеда. Судьба младшего брата Александра Твардовского, любимца семьи, сложилась трагически: шестнадцати лет добровольцем ушел он на фронт Великой Отечественной войны, стал летчиком; встретил победу будучи лейтенантом Военно-Воздушных Сил, однако полученные на фронте ранения уже в 1954 свели его в могилу.

Еще в довоенное время указал Твардовский и одного из реальных прототипов Василия Теркина: это шофер, который вез его и поэта Михаила Голодного из Феодосии в Коктебель 1 сентября 1939 года.

Твардовский записывал для себя:

«Это тот герой, которого как раз недостает в нашей литературе, — весельчак и балагур, остряк в любую минуту жизни и т. п. Я попытался бы сделать что-нибудь из него в стихах, но для этого нужно бы от него больше послушаться».

Впоследствии фронтовые дороги несомненно сталкивали поэта со многими другими потенциальными прототипами Теркина. На одного из них указывает в своих воспоминаниях художник О. Верейский: фронтовой поэт Василий Глотов послужил художнику «натурой» для создания образа при иллюстрировании книги; этот образ и был «авторизован» самим Твардовским, который с того времени «никогда не допускал ни малейшей попытки изобразить Теркина другим».

С апреля 1940 замысел произведения непрерывно вынашивался. Твардовский записывал в своей тетради 20 апреля 1940 года:

«При удаче это будет ценнейший подарок армии, это будет ее любимец, нарицательное имя».

Так оно и получилось потом. Но до этого еще должно было пройти более двух лет.

В декабре Твардовский предпринял поездку в Выборг, на места боев, в расположение своей 123-й дивизии; «все это — с мыслью о “Теркине”», как отмечал он потом в статье «Как был написан “Василий Теркин”». В печати появились отдельные части — заготовки будущей поэмы. О нескольких пришедших в голову эпизодах поэт сделал запись 2 мая 1940. Тогда же было задумано и «лирическое отступление», ставшее потом началом поэмы: «Лучше нет воды холодной...»

В феврале и в марте 1941 года работа над «Теркиным» стала уже главным делом Твардовского, но продвигалась она пока медленно и с большим напряжением. Поэт констатировал 9 февраля 1941:

«Исключительной вещи мне на этом материале скорее всего не сделать, но она нужна до разреза, даже такая, какую смогу. Делать нужно и буду делать, переделывать, терпеть...».

20 марта готовые главы Твардовский прочитал Маршаку. Маршак был взволнован и отметил «свободные, без стремления к эффектам» стихи. Твардовский записывал для себя после беседы с Маршаком:

«Помнить о деле, о том главном, что хочешь сказать, а строчки сами собой будут хороши».

Вслед за этим идет еще одна характерная запись, датированная 21 марта 1941:

«Что-то в этом роде я сам не то придумал, не то во сне видел — что-то чрезвычайно ясное, правильное насчет формы и содержания. А вспомнить не могу. Какое-то смутное, но очень радостное воспоминание, что-то очень новое для меня и в то же время не противоречащее резко моей прежней работе и пристрастиям».

Работа над поэмой продолжалась в апреле 1941 года в ялтинском Доме творчества Литфонда. 5 апреля Твардовский набросал первые строки — трехстопным амфибрахийем:

Кому смерть, кому жизнь, кому слава.
На рассвете началась переправа...

Но уже в тот же день поэт пришел к выводу, что этот размер не годится, что «нужно шпарить своим популярным хореем», «идти решительно на “примитив”». В тот же день было набросано новое, хорейское начало главы «Переправа», которое, однако, тоже не удовлетворило автора. О своих тогдашних затруднениях Твардовский достаточно рассказал в статье «Как был написан “Василий Теркин”», документировав их многими цитатами из своих рабочих записей того времени.

9 июня 1941 поэт поселился в деревни Грязи, вод Звенигородом, рассчитывая, что судьба подарит ему «доброе работающее лето», и поэма к осени будет закончена. Сделанные здесь наброски «Вступления», которое должно было изложить все общее, освободив от него дальнейшее изложение, показались автору также неудачными, с обилием «пустостишй». Вслед за отступлением о павших героях никак не удавалось «пристрочить» Теркина. «Попугивала смутно» фамилия героя и его «кредо».

В середине июня созданные строфы автор вновь читал Маршаку, 18 июня — жене. Каждое такое чтение стимулировало работу и проясняло замысел. Подбирались имена второстепенных героев. Тогда же придумывалась и «любовная линия» — история с шапкой, которую Теркин получал от девушки-санитарки и возвращал ей ее после войны.

Вспомогательные рабочие тетради поэта отражают постоянную неуверенность, неудовлетворенность результатами работы. Избегать банальностей, писать только о лично прочувствованном — неременное требование поэтической программы Твардовского. Он записывает 20 июня 1941 года:

«Какая сила и свобода поэтическая должна быть, чтоб оторваться решительно от всей принятой условности батальной, от слов, за которыми нет твоего личного чувства и пр. А надо оторваться».

Многочисленное переписывание одних и тех же строк не приводило его к желаемым результатам. В эти предвоенные месяцы, вспоминал Твардовский, поэма писалась туго, «не было настоящего напряжения».

Нужное «напряжение» возникло только с началом большой войны, когда определялся новый вариант замысла. Внешне он был продолжением той же работы. Но по существу между этими двумя вариантами имеется принципиальное различие, обусловленное прежде всего различием характера и масштабов финской кампании и всенародной Великой Отечественной войны. Изменился весь характер поэмы, все ее содержание, ее философия, ее герой, ее форма — композиция, жанр, сюжет. Изменился характер поэтического повествования о войне — родина и народ, народ на войне стали главными темами. До Великой Отечественной войны поэма о Теркине, какой мы ее знаем, и не могла быть создана.

22 июня 1941 неожиданно прервало работу над не оконченным еще «Введением» к поэме. Будучи прикомандированным к армейской газете «Красная Армия», Твардовский создает и публикует много новых стихотворений и репортажей; начатая поэма о бойце «незнаменитой» финской кампании, видимо, не представлялась ему теперь актуальной или, во всяком случае, забылась за множеством новых впечатлений, тягот и забот. В самом начале работы в этой газете, памятуя успех ленинградского «Васи Теркина»,

Твардовский предложил редактору ввести этого героя на газетные полосы, но тот отказался, мотивируя тем, что нам, мол, не нужен «чужой герой, мы своего возьмем, и предложил своего с фамилией Богатырев. Но уже одна эта фамилия почти исключала юмористику, как бы предполагая заранее лишь занимательность невероятных подвигов».

«Как война самое себя отодвинула!» – так отозвался об этом Твардовский, когда через год после начала войны он совершенно определенно решил, что поэму о Теркине можно продолжить в новом ключе, что Теркин просто необходим и этой войне.

До того же счастливого момента место Теркина заступили новые, другие герои. В газете «Громилка» (особое приложение к газете «Красная Армия») Твардовский помещает без подписи написанные им совместно с киевским поэтом Борисом Палийчуком, писавшим на русском языке, «теркинские» (по ритму и размеру) стихи об удачливом казаке Иване Гвоздеве и о партизане дед Даниле. Казака Ивана Гвоздева придумал Палийчук, но это был герой того же стиля и типа, как и прежний Вася Теркин Ленинградского фронта, а дед Данила фигурировал еще и в довоенных стихах Твардовского. Стихотворное введение в эти циклы было напечатано в первом же номере газеты «Громплка». Начало, написанное Твардовским, звучало здесь совсем по-теркински:

На войне, в быту суровом,
В трудной жизни боевой,
На снегу, под зябким кровом —
Лучше нет простой, здоровой,

Прочной пищи фронтовой.
И любой вояка старый
Скажет попросту о ней:
Лишь была б она с наваром
Да была бы с пылу, с жару —
Подобрей, погорячей.

Чтоб она тебя согрела,
Одарила, в кровь пошла,
Чтоб душа твоя и тело
Поднялися вместе смело
На хорошие дела.

Чтоб идти вперед, в атаку,
Силу чувствуя в плечах,
Бодрость чувствуя. Однако
Дело тут не только в щах...

Жить без пищи можно сутки,
Можно больше, но порой
На войне одной минутки
Не прожить без прибаутки,
Шутки самой немудрой...

Как видим, казак Иван Гвоздев — несомненный предшественник Василия Теркина «Книги про бойца». Читаем далее:

Лучше нет, ребята, с толком
Ночью вспугивать врага.
Постовых хватать за холку —
В самый раз для казака.
Не найти нас в темном поле,
Не нащупать наших троп.

Ночь для нас — одно раздолье,
Для фашистов — сущий гроб.

.....
Мрак ночной фашисту страшен,
Нам же ночка не во вред.

Для бойцов закалки нашей
Лучше ночи — часу нет.

В походную тетрадь Твардовского вслед за этими стихами была вклеена другая вырезка из той же серии «Из боевых приключений казака Ивана Гвоздева» — «Очень стоящая штука наш советский миномет». Следующая вырезка — «О языке», с подзаголовком: «Сядь, послушай слово казака Гвоздева». Все это создавалось и печаталось в конце июля 1941. В газете от 31 июля теркинским же хореическим стихом напечатано «Приветственное слово к ребятам из девяносто девятой. От казака Гвоздева»; в номере от 5 августа: «Как обед варить искусно, чтобы вовремя и вкусно. (Из боевых приключений казака Ивана Гвоздева)». Все эти материалы печатались без обозначения авторства — как бы от самого героя.

Далее — вырезка «Как однажды вражья пушка послужила казакам. (Из боевых приключений Ивана Гвоздева)». На ней помета Твардовского: «С Палийчуком». Начало:

Был Гвоздев. И нет Гвоздева.
Пропадал по день, не два...
Был и есть, сегодня снова
Про него прочтет братва.

С пометой «29.VIII» с продолжением в последующих номерах — вплоть до октября 1941 — рубрика: «Иван Гвоздев в тылу у немцев. (Новые приключения донского казака)»:

Все, кто знает про Гвоздева
И кто слышит в первый раз —
Прочитайте этот новый
Поучительный рассказ.
Тот же в нем казак, что прежде, —
Досаждать врагу мастак,
Только он в иной одежде
И в совсем иных местах...

Среди стихов «гвоздевского» цикла в газете «Красная Армия» от 18 октября 1941 находим напечатанное без подписи стихотворение «Что такое “сабантуй”», также использованное потом в «Книге про бойца».

В одной из главок Иван Гвоздев в тылу у немцев, в лесу, встречается с другим героем — партизаном дедом Данилой — характерным, как уже отмечалось, персонажем многих довоенных стихов Твардовского, о котором в «Громилке» помещено много самостоятельных стихотворных рассказов: «Как дед Данила немцам “русскую баню” устроил», «Дед Данила — “охотник”», «Письмо деда Данилы» и др.

Предваряя «Книгу про бойца», весь этот материал типологически и в жанрово-стилевом отношении был продолжением лубочного «Васи Теркина» финского периода. Подобные материалы о Танкине, Иване Штыке, Гранаткине, Фоме Смыслове и других часто помещали в то время в фронтовых газетах многие советские поэты. Насчитывают более 60 таких героев, над созданием которых работали А. Сурков, А. Прокофьев, С. Кирсанов, Д. Кедрин, Ц. Солодарь и другие поэты. Традиция таких стихотворений уходит во времена гражданской войны, когда на страницах «Красной газеты» их создавали поэт В. Князев и Демьян Бедный («Солдат Яшка — медная пряжка»), «Окна РОСТА» В. Маяковского и в еще гораздо более раннюю лубочную литературу периода Отечественной войны 1812 года.

Но весь этот материал не мог быть материалом серьезной литературы, и это тяготило Твардовского:

«Литература оказывалась значительно меньше, мельче войны, занятия ею представлялись на фоне всенародной трагедии делом несерьезным, и действительно, впору было идти в полк, в батальон, в роту, туда, где и делалось самое главное».

Для Твардовского в фронтовой его должности «писателя» и в воинском звании подполковника это было трудным переживанием — переживанием чуткой совести. Идти

в бой в качестве рядового солдата он не мог, а руководить частью или подразделением без специальной военной подготовки не имел права. Даже уже гораздо позже, когда «Теркин» принес поэту огромную популярность и славу, сомнения в правильности выбора не оставляли его.

«Почему так устала душа и не хочется писать? Надоела война? Вернее всего, по той причине, по которой мужик, помогавший другому мужику колоть дрова тем, что хекал за каждым ударом того, первым устал, говорят, и отказался, не то попросил уж лучше топор. Мы хекаем, а люди рубят. Мы взяли на себя функцию, неотрывную от самого процесса делания войны: издавать те возгласы, охи, ахи, и т. п., которые являются, когда человек воюет».

Желание работать всерьез, не довольствуясь «легкой газетчинкой», не покидало поэта и в это трудное время. В записную книжку заносились фронтовые впечатления, описания боевых эпизодов, использованные потом в «Книге про бойца», — например, история бойца Воробьева, пробиравшегося со своими товарищами из окружения через родную деревню, где он встретился с семьей, отбил и наладил для жены косу, еще что-то сделал и ушел догонять товарищей. Этот эпизод предназначался поэтом для особого стихотворения «Воробей». В ближайшие творческие планы в апреле 1942 года произведение о Теркине, как таковое, еще не входило, а из прежних набросков (главы «Теркин ранен») предполагалось создать стихотворение «Связист».

Возрождение замысла и возобновление работы над «Теркиным» относится к середине 1942 года; Твардовский находился в это время на Западном (впоследствии — 3-м Белорусском) фронте. 12 июня 1942 года в Чистополе, куда поэт приезжал на два дня проведать семью, появились стихи начальной, вступительной главки — «От автора» (со второй пока строфы):

На войне, в быту суровом...

Так, в середине июня 1942 Твардовский неожиданно «возвратился к мысли о продолжении поэмы о Василии Теркине» (слова из рабочей тетради Твардовского). Это был тот скачок, взрыв, который переводит постепенные количественные изменения в новое качество, из подсознания выводит замысел в творческое сознание писателя. С этого времени начался новый этап работы над произведением — создание текста, который известен всем как окончательный текст «Василия Теркина».

На заседании Военной комиссии Союза писателей 22 июня 1942 Твардовский говорил:

«Над этой книгой я думал и работал уже давно, находясь еще под непосредственным впечатлением финской войны. Затаялась она вот по каким ближайшим мотивам, как бы ни показались они странными и примитивными товарищам. Известно, какой успех имеют во фронтовой, армейской и вообще в печати так называемые “фельетонные” герои: Вася Теркин, Иван Гвоздев, Гриша Танкин. Я понимал, что это писалось и пишется довольно скверно. Это фельетон со сквозным героем, идущий из номера в номер, и главная его сущность — в такой уставной, очень обязательной дидактике: насчет поведения в разведке, обращения с оружием и т. д. Но, как видно, так велика потребность полюбить какого-то своего, народного, армейского героя, который был бы олицетворением и удачливости, и веселости, и жизнерадостности, так огромна эта потребность в сознании армии, что эти герои пользуются очень большим успехом.

И вот после финской войны я задумал написать такого Васю Теркина, но всерьез. Должен сказать, что десять месяцев работы на Юго-Западном фронте не исключили для меня возможности и желания возвратиться к этой работе. Материалы финской войны характеризуются некоторыми особыми чертами, что, возможно, и не позволило бы довести начатую работу до конца. Сейчас же обстоятельства все с большей убедительностью подталкивают меня к продолжению этой вещи».

О том, как в походной, фронтовой обстановке писалась эта поэма, сказано в самом ее тексте:

...украдкой
На войне под кровлей шаткой,
По дорогам, где пришлось,

Без отлучки от колес,
В дождь, укрывшись плащ-палаткой,
Иль зубами сняв перчатку
На ветру, в лютой мороз,
Заносил в свою тетрадку
Строки, жившие вразброс.

О. Верейский, бывший свидетелем того, как одна за другой рождались главы «Василия Теркина», вспоминает:

«Работая, Александр Трифонович до поры ни с кем не делился, никогда не писал на людях. Сидел подолгу один в землянке или в лесу, никому не показываясь. Помню его одинокую фигуру в накинута на плечи длинной шинели, когда он бродил в лесу среди покалеченных войной стволов деревьев. Он любил писать ранним утром и всегда старался работать допоздна, часть работы — ту, что уже завязалась, — отложив назавтра, чтобы, чуть забрезжит свет, снова сесть к столу (опрокинутому ящику, пню, где придется), на котором уже лежит пусть малое, но все же начало для разгона на сегодня».

Фронтная судьба поэмы, создававшейся в полевой обстановке, не способствовала сохранению первичных авторских рукописей. Архив Твардовскому заменяла на фронте тетрадь в клеенчатой обложке, о которой поэт упоминает в статье «Как был написан “Василий Теркин”».

Эта тетрадь сохранилась и поныне. На форзаце — надпись рукой поэта:

«А. Твардовский. Редакция газеты “Красная Армия”. Действ. Кр. Армия, 28-я полевая почта. Передать моей жене Гореловой Марии Илларионовне. А. Твардовский. 19.VIII. 41. Киев».

В тетрадь клеивались вырезанные из фронтальной печати стихи, очерки, статьи Твардовского начиная с июня 1941.